Master Negative
Storage Number

OCI00056.02

Karie glazki

Moskva

1917

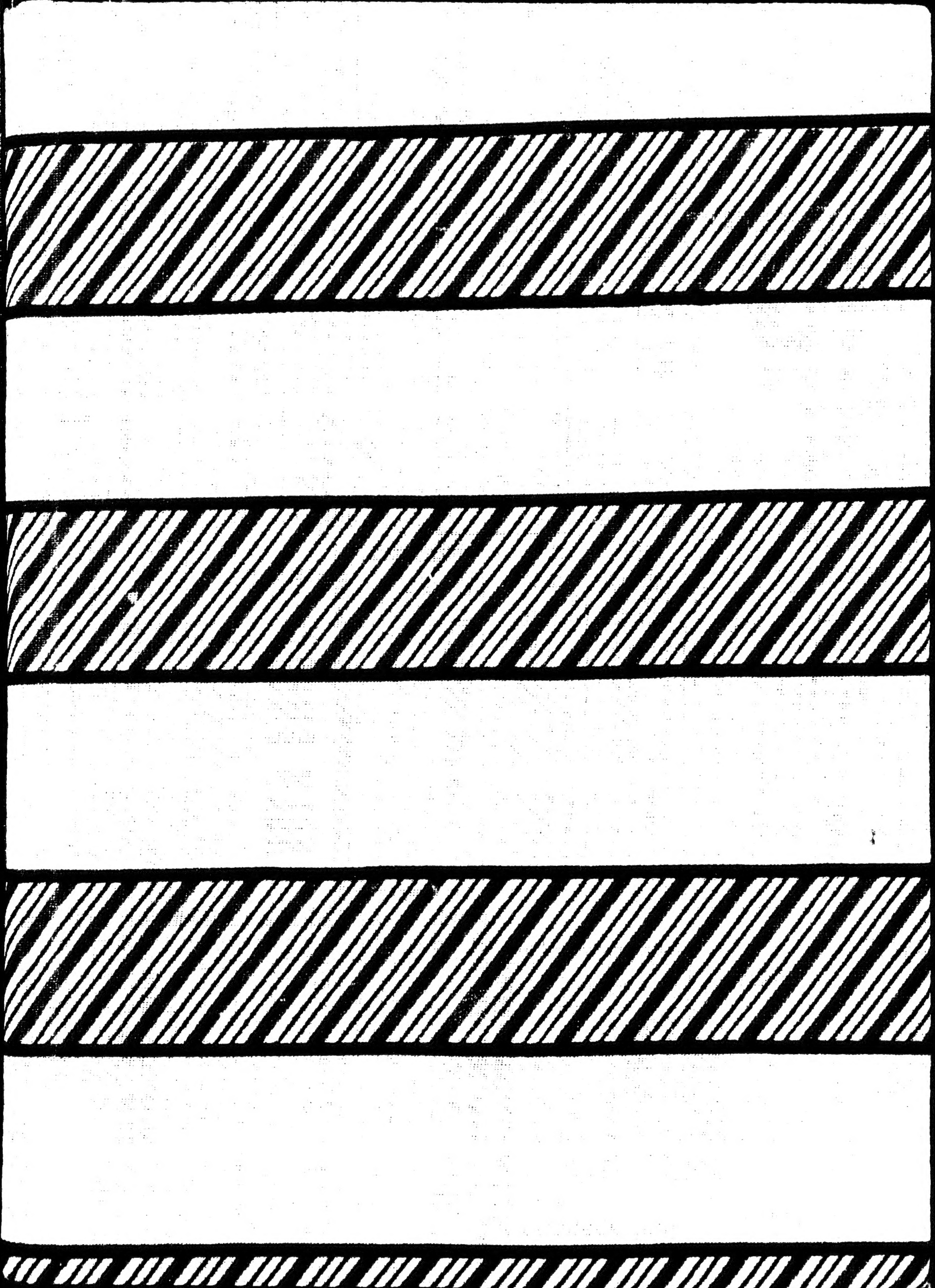
Reel: 56 Title: 2

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCl00056.02

Control Number: BGM-7013
OCLC Number : 24918477
Call Number : W 381.5917s K146
Title : Karie glazki : novieishii sbornik russkikh piesen.
Imprint : Moskva : Tip. T-va I.D. Sytina, 1917.
Format : 94 p. ; 17 cm.
Note : Colored illustrations on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Folk songs, Russian Texts.
Subject : Songs, Russian Texts.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11-01-94
Camera Operator: CG



w [illegible]

КАРІЕ
ГЛАЗКИ
НОВѢЙШІЙ
ПѢСЕННИ
КЪ.

W 381.59175 K146

КАРІЕ ГЛАЗКИ.

НОВѢЙШІЙ СБОРНИКЪ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. д.
МОСКВА.—1917.

Карie глазки.

(Новая московская пѣсня).

Карie глазки, гдѣ вы скрылись?
Мнѣ васъ больше не видать!
Отъ кого вы удалились?
Навѣкъ заставили страдать
Я страдаю, страдать буду,
Буду плакать... Тяжко мнѣ..
Тебя, мой милый, не забуду,
Въ какой бы ни жилъ сторонѣ.
Но какая злая сила
Меня заставила любить?
Ахъ, знаю, злѣе крокодила
Любовь! Могу ль ее забыть?
Катись, слеза моя горюча,
Катись по бѣлому лицу!
Лети, письмо мое, скорѣе
Ко другу милу моему!
Милый приметъ, прочитаетъ
И, можетъ, вспомнитъ обо мнѣ.
Пойду я съ горя въ чисто поле,
Пойду въ дремучiе лѣса!

Закричу я шибко, громко,
Звѣрей лютыхъ созову.
„Ахъ, вы, звѣри, мои звѣри,
Звѣри лютые мои!
Растерзайте тѣло бѣло,
Выньте сердце изъ меня,—
Отнесите мое сердце
Къ другу милу моему!“
Милый взглянетъ, ужаснется
Вспомнитъ, что его люблю,
Что о немъ всегда страдаю,
Молодую жизнь гублю!
Ну, зачѣмъ о немъ страдаю
Зачѣмъ я мучусь много дней?
Я горьки слезы проливаю,
Жалѣю участи своей.
Ужъ ты участь, моя участь!
Какъ же мнѣ на свѣтѣ жить?
Ну, зачѣмъ же, моя участь,
Меня заставила любить?

Сухая корочка.

Сухою бы я корочкой питалася
И холодную бы воду пила,
Тобою бы, милый, наслаждалася
И тѣмъ бы довольна была.

Приди ты, мой милый, поскорѣе,—
Мнѣ стало скучно безъ тебя.
Навѣрно, у тебя есть другая,
И ты совсѣмъ забылъ меня.
Но пускай же она такъ полюбитъ,
Какъ любила я тебя,
И пускай же она такъ погубитъ,
Какъ сгубила я себя.
Сними ты мнѣ комнату сырую
Въ ней одна я буду жить;
Приди же ко мнѣ разъ въ недѣлю,—
Мнѣ все равно тебя любить.
Ахъ! сколько я писемъ не писала,
Но ты мнѣ открытку не прислалъ.
Ахъ! сколько я плакала-рыдала,
А ты, мой милый, не слыхалъ.
Ахъ! сколько я лѣсу не рубила,
Крѣпче дуба не нашла.
Ахъ! сколько милыхъ не любила
Лучше тебя не нашла

Окрасился мѣсяцъ багрянцемъ

Окрасился мѣсяцъ багрянцемъ,
Гдѣ море шумѣло у скалъ.
— Поѣдемъ, красотка, кататься,
Давно я тебя ожидалъ.

— Спасибо, я ѣду охотно:
Я волны морскія люблю,
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду къ рулю.
— Ты правишь въ открытое море,
Гдѣ съ бурей не справиться намъ
Въ такую шальную погоду
Нельзя довѣряться волнамъ.
— Нельзя? почему, дорогой мой?
Въ минувшей той горькой судьбѣ
Ты вспомни, измѣнникъ коварный,
Какъ я довѣрялась тебѣ.
Меня обманулъ ты однажды,—
Сегодня тебя провела.
Смотри же,—вотъ ножикъ булатный,
Который недаромъ взяла.
Ты брось предъ погибелью весла,
Спасти чтобъ никто ихъ не могъ...“
Поутру приплыли два трупа
И съ ними разбитый челнокъ.

Ахъ ты, бѣдная, бѣдная швейка.

(Новая народная пѣсня).

Ахъ ты, бѣдная, бѣдная швейка!
Поступила съ семнадцати лѣтъ.
Нелегка доставалась копейка,—
Много вынесла горя и бѣдъ.

Носъ осунулся, щечки опали,
Отъ заботы повысохла грудь,
Твои ручки совсѣмъ исхудали,
Не даетъ тебѣ кашель уснуть.
Что за польза все биться и биться,
Хлѣбъ насущный съ трудомъ добывать,
Все трудиться, трудиться, трудиться,
По ночамъ изъ-за кашля не спать?
Ты не спишь по ночамъ втихомолку,—
Тебѣ кашель уснуть не даетъ.
Простись лучше съ стальною иголкой,—
Жизнь иная давно тебя ждетъ
Въ „домъ" ты вступишь нетвердой но-
гою
Тамъ тебя будетъ стыдъ лишь томить.
А потомъ все пойдетъ чередою,
И ты будешь шикарно тамъ жить.
И хорошее кушанье будешь тамъ
ѣсть,
И не будешь ты тамъ, вѣдь, совсѣмъ
голодать
И при томъ станешь много хорошаго
пить
И шикарно научатъ тебя танцовать...
Старикашку ты тамъ приласкаешь
И съ подругами будешь въ смѣху,
Хоть въ больницѣ не разъ побываешь,—
Шрамъ получишь у себя на носу

Съ синякомъ подъ глазами у печки
Ты въ трактирѣ на стулѣ сидишь.
И на пьяницъ, кутилъ и пропоицъ
Исподлобья такъ жадно глядишь.
Угостятъ тебя,—будешь хмельная.
Ты не въ силахъ итти на ногахъ,—
Городовой тебя, зло проклиная,
Будетъ съ дворникомъ въ часть от-
правлять.
Въ объявленьяхъ поутру въ газетѣ,
Что замерзшую швейку нашли
Въ пять часовъ у Крестовской заставы
И въ пріемной покой отвезли...

Нищая.

Зима, метель, и въ крупныхъ хлопьяхъ
При сильномъ вѣтрѣ снѣгъ валитъ.
У входа въ храмъ одна, въ лохмотьяхъ,
Старушка-нищая стоитъ.
И милостыни ожидая,
Она все тутъ съ клюкой своей
И лѣтомъ и зимой босая..
Подайте Христа ради ей!
Сказать ли вамъ, старушка эта
Какъ двадцать лѣтъ тому жила:
Она была мечтой поэта,
И слава ей вѣнокъ плела.

Когда она на сценѣ пѣла,—
Театръ въ восторгѣ былъ отъ ней
Она соперницъ не имѣла...
Подайте Христа ради ей!
Бывало, послѣ представленья
Ей отъ толпы проѣзда нѣтъ,
И молодежь отъ восхищенья
Гремѣла „браво" ей вослѣдъ.
Вельможи случая искали
Попасть въ число ея друзей,
Талантъ и умъ въ ней уважали.
Подайте Христа ради ей!
Въ то время торжества и счастья
У ней былъ домъ... не домъ—дворецъ
И въ этомъ храмѣ сладострастья
Томились тысячи сердецъ.
Какими пышными хвалами
Кадилъ ей кругъ ея гостей!—
При счастьѣ всѣ дружатся съ нами...
Подайте Христа ради ей!
Святая воля Провидѣнья...
Артистка сдѣлалась больна;
Лишилась голоса и зрѣнья
И бродитъ по-міру одна
Бывало, бѣдный не боится
Прійти за милостыней къ ней,
Она жъ просить у васъ стыдится...
Подайте Христа ради ей!

Ахъ, кто съ такою добротою
Въ несчастьѣ ближнимъ помогалъ,
Какъ эта нищая съ клюкою,
Когда амуръ ее ласкалъ!
Она все въ жизни потеряла...
О, чтобы въ старости своей
Она на Промыслъ не роптала—
Подайте Христа ради ей

Бывало, въ дни веселые.

Бывало, въ дни веселые
Гулялъ я, молодецъ,
Не зналъ тоски, кручинушки,
Какъ вольный удалецъ.
Прiѣдешь поздно съ пашенки,
Лошадокъ уберешь,
И къ ней тропой знакомою
Въ завѣтный дворъ пойдешь.
Она ужъ дожидается,
Красавица меня:
Глаза полуоткрытые,
Румяна и бѣла.
Однажды въ концѣ осени
Пришелъ любви конецъ,
И къ ней прiѣзжiй съ ярмарки
Присватался купецъ.

Тогда она, красавица,
Забыла про меня:
Оставила, покинула,—
Въ хоромы жить пошла.

Живетъ у чорта стараго,
Какъ въ клѣткѣ золотой,
Какъ куколка нарядная,
Съ распущенной косой.

Оставшись въ одиночествѣ,
Я точно опьянѣлъ
И всю ту ночку темную
Въ раздумьи просидѣлъ.

Блеснула мысль злодѣйская,
Во тьмѣ нашелъ топоръ,
Простился съ отцомъ, съ матерью
И вышелъ черезъ дворъ.

Иду, а ночка-темная,
Вдали журчитъ ручей...
И дѣло совершилося,—
Теперь я сталъ злодѣй

Теперь въ Сибирь, на каторгу
Угонятъ молодца
За дѣвку черноокую,
За чортагая купца.

У могилы матери.

Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь въ землѣ сырой.
Я пришелъ къ твоей могилѣ
Съ горемъ и тоской.

Я пришелъ къ тебѣ, родная,
Чтобъ тебѣ сказать,
Что теперь уже другая
У меня есть мать;

Что твой мужъ, тобой любимый,
Мой отецъ родной,
Твоему бѣднягѣ—сыну
Сталъ совсѣмъ чужой.

Никогда твоихъ, родная,
Словъ мнѣ не забыть:
„Безъ меня тебѣ, сыночекъ,
Горько будетъ жить!

Много, много встрѣтишь горя,
Мой родимый, ты;
Много вынесешь несчастья
Бѣдъ и нищеты!“

И слова твои сбылися,—
Всѣ сбылись они.
Встань ты, встань, родная,
На меня взгляни!

Съ неба дождикъ льетъ осенній,
Холодомъ знобитъ.
У твоей сырой могилы
Сынъ—бѣднякъ стоитъ.
    Въ старомъ, рваномъ сюртучишкѣ
    Въ ветхихъ сапогахъ;
    Но все такъ же твердъ, какъ прежде,
    Слезъ нѣтъ на глазахъ.
Знаютъ то судьба-злодѣйка,
Горе и бѣда,
Что отъ нихъ твой сынъ не плакалъ
Въ жизни никогда.
    Нѣтъ, въ груди моей горячей
    Кровь еще горитъ;
    На борьбу съ судьбой суровой
    Много силъ кипитъ.
А когда я эти силы
Всѣ убью въ борьбѣ,
И когда меня, родная,
Принесутъ къ тебѣ,—
    Пріюти тогда меня ты
    Тутъ въ землѣ сырой;
    Буду спать я, спать спокойно
    Рядышкомъ съ тобой.
Будетъ солнце надо мною
Жаркое сіять,
Будутъ звѣзды золотыя
Во всю ночь блистать,

Будетъ вѣтеръ безпокойный
Пѣсни свои пѣть,
Надъ могилой серебристымъ
Тополемъ шумѣть;
Будетъ вьюга надо мною
Плакать-голосить...
Но напрасно, силъ погибшихъ
Ей не разбудить.

И. Суриковъ.

Прощай, мой сынъ.

(Новая народная пѣсня).

Прощай, мой сынъ, въ страну чужую
Ты уѣзжаешь,—Богъ съ тобой!
Оставилъ мать свою родную
Съ ея злочастною судьбой.
Одинъ ты былъ моей отрадой,
Въ тебѣ на жизненномъ пути,
Бывало, думала я прежде
Отраду счастія найти.
Тебя качала въ колыбели.
Безсонныхъ нѣсколько ночей
Сидѣла у твоей постели
Съ надеждой будущей своей.
Ты подросталъ, и я мечтала,
Что юность крѣпкая твоя

Подъ старость мнѣ отрадой будетъ,
Надежда вѣрная моя.
Но ты ушелъ въ страну чужую,
И я одна въ краю родномъ.
Страдать я буду одиноко
Все по тебѣ, мой сынъ, одномъ.
Увижу гнѣздышко на вѣткѣ,
Слеза невольно потечетъ,
Скажу: ахъ, пташки, у васъ — дѣтки,
А у меня теперь ихъ нѣтъ.
Услышу я раскаты грома
Вдали отъ родины своей.
Гдѣ, спросятъ, сынъ? Его нѣтъ дома;
Теперь, быть можетъ, подъ грозой.
А мнѣ недолго черезъ силу
Томиться съ горестью своей.
Ты возвратишься и увидишь
Могилу матери своей.
Ты спросишь: гдѣ жъ моя родная?
Тебѣ въ отвѣтъ: ея ужъ нѣтъ;
Она, вся въ горѣ утопая,
Давно оставила сей свѣтъ;
И тамъ подъ липой, на кладбищѣ
Давно уже насыпанъ холмъ.
Ты скажешь: вотъ ея жилище
Подъ чернымъ съ надписью крестомъ.

Тоска по родинѣ.

Вдали отъ родины моей,
Вдали отъ жизни вольной
Сижу подъ бременемъ цѣпей
Въ тюрьмѣ сырой и темной.
Тьма, мракъ сырой, ужасный
Въ моей темницѣ такъ и бродитъ,
На трупъ мой живой несчастный
Все скуку, грусть наводитъ.
А я у крѣпкихъ стѣнъ забытъ,—
Забытъ природой и людьми.
О, какъ душа моя болитъ!
О, гдѣ спасенья мнѣ найти?
На волѣ лѣсъ кудрявый шумитъ,
На волѣ солнышко блеститъ,
На волѣ птички распѣваютъ
И волей каждый дорожитъ.
Окно желѣзное
Въ глухой стѣнѣ торчитъ.
Что было мнѣ любезное,
Отъ всего я здѣсь сейчасъ сокрытъ.
Жена моя меня утопила,—
Я долженъ вѣкъ въ тюрьмѣ страдать.
Родня моя давно забыла,—
Забыли всѣ и сватъ и братъ.

Вдали отъ родины моей,
Вдали отъ жизни вольной
Сижу подъ бременемъ цѣпей
Въ тюрьмѣ сырой и темной.

Липа вѣковая.

(Народная пѣсня).

Липа вѣковая надъ рѣкой шумитъ,
Пѣсня удалая молодца звучитъ.
(2 раза.)
Лугъ покрытъ туманомъ, точно пе-
леной,
Слышенъ за кургаѳомъ кличъ сто-
рожевой.

Но все миновало, и я подъ вѣнцомъ,
Молодца сковали золотымъ кольцомъ.
Только не съ тобою, милая моя,
Спишь ты подъ землею, спишь ты
за меня.

Надъ твоей могилкой поетъ соловей,
Пробуди, что было въ юности твоей!
Лугъ покрытъ туманомъ, точно пе-
леной,
Слышенъ за курганомъ кличъ сто-
рожевой.

Могила.

(Народная пѣсня)

Пускай могила меня накажетъ
За то, что я тебя люблю.
Но я могилы не страшуся:
Кого люблю, я съ тѣмъ умру.
Онъ подходилъ ко мнѣ съ улыбкой,
Мнѣ руку жалъ, меня ласкалъ
И называлъ меня голубкой
И въ губки алы цѣловалъ.
Мнѣ поцѣлуй твой былъ прощальный,
Когда насталъ жестокій часъ,—
Вѣдь я, дитя, любви не знала,
Не знала, что любить—страдать.
Ахъ, лучше бъ тебя я не встрѣчала
И не любила бы тебя;
Мое бы сердце не страдало,
И вѣкъ бы счастлива была.
Въ постели я лежу, больная,
Мнѣ всего семнадцать лѣтъ;
А завтра лягу я въ могилу,
И скажутъ всѣ: ея ужъ нѣтъ.
Зажигай же, мать, лампаду,—
Ужъ скоро-скоро я умру.
Бѣлый свѣтъ я покидаю,
Въ могилу хладную пойду.

Могилу мою землей зароютъ.
Когда я буду въ ней лежать,
Ты вспоминать будешь, мой милый,
Мою могилу посѣщать.

И прихожу я на кладбище,
Спросилъ я дѣда-старичка
„Могила чья эта [illegible],
И кто такая померла?“

—„Здѣсь лежитъ одна дѣвица
Отъ чахотки померла,
И отъ любви въ землю пошла“.

„Маруся отравилась“.

(Новая саратовская народная пѣсня).

Вечеръ вечерѣетъ,
Наборщицы идутъ.
„Маруся отравилась,
Въ больницу повезутъ“.

Въ больницу привозили
И клали на кровать.
Два доктора, несмотря
Старались жизнь спасать.

„Спасайте—не спасайте
Мнѣ жизнь не дорога.
Я милаго любила—
Такого подлеца“.

Давали ей лекарства—
Она ихъ не пила;
Давали ей пилюли—
Она ихъ не брала.

Подруги приходили
Марусю навѣстить,
А докторъ отвѣчаетъ:
„Безъ памяти лежитъ".

Приходитъ мать родная
Свою дочь навѣстить,
А докторъ отвѣчаетъ,
Что при смерти лежитъ.

Пришелъ ея любезный,—
Хотѣлъ онъ навѣстить,—
А докторъ отвѣчаетъ:
„Въ часовенкѣ лежитъ".

—„Маруся, ты, Маруся!
Открой свои глаза!"
А сторожъ отвѣчаетъ:
„Давно ужъ умерла.

Кого-то полюбила,
Чего-то испила;
Любовь тѣмъ доказала:
Отъ яду умерла".

Кочегаръ.

(Новѣйшая народная пѣсня).

Раскинулось море широко,
И волны бушуютъ вдали.
Товарищъ, мы ѣдемъ далеко,
Подальше отъ нашей земли. (2 раза.)
  Не слышно на палубѣ пѣсенъ,
  И Красное море волною шумитъ,
  А берегъ суровый и тѣсенъ,—
  Какъ вспомнишь, такъ сердце бо-
    литъ. (2 раза.)
На бакѣ уже восемь пробило,—
Товарища надо смѣнить.
По трапу едва онъ спустился
Механикъ кричитъ: „Шевелись!" (2 раза.)
  „Товарищъ, я вахты не въ силахъ
    стоять,—
  Сказалъ кочегаръ кочегару,—
  Огни въ моихъ топкахъ совсѣмъ
    прогорятъ;
  Въ котлахъ не сдержать мнѣ ужъ
    пару. (2 раза).
Пойди заяви, что я заболѣлъ,
И вахту, не кончивъ, бросаю.
Весь потомъ истекъ, отъ жары изне-
    могъ;
Работать нѣтъ силъ,—умираю". (2 раза.)

Товарищъ ушелъ... Лопатку схватилъ,
Собравши послѣднія силы,
Дверь топки привычнымъ толчкомъ
отворилъ.
И пламя его озарило: (2 раза.)
Лицо его, плечи, открытую грудь
И потъ, съ нихъ струившійся градомъ.
О, если бы могъ кто туда заглянуть,
Назвалъ кочегарку бы адомъ! (2 раза.)
Котлы паровые зловѣще шумятъ,
Отъ силы паровъ содрагаясь,
Какъ тысячи змѣй пары же шипятъ,
Изъ трубъ кое-гдѣ пробиваясь.
(2 раза.)
А онъ, извиваясь предъ жаркимъ огнемъ,
Лопатой бросалъ ловко уголь;
Внизу было мрачно,—лучъ солнца и днемъ
Не можетъ проникнуть въ тотъ уголъ.
(2 раза.)
Нѣтъ вѣтра сегодня, — нѣтъ мочи
стоять.
Согрѣлась вода, душно, жарко,—
Термометръ поднялся на сорокъ
пять,—
Безъ воздуха вся кочегарка.
(2 раза.)
Окончивъ кидать, онъ напился воды,—
Воды опрѣсненной, не чистой,

Съ лица его падалъ потъ, сажи слѣды.
Услышалъ онъ рѣчь машиниста: (2 раза.)
„Ты, вахты не кончивъ, не смѣешь
бросать,
Механикъ тобой не доволенъ.
Ты къ доктору долженъ пойти и
сказать,—
Лекарство онъ дастъ, если боленъ“.
(2 раза.)
За поручни слабо хватаясь рукой,
По трапу наверхъ онъ взбирался;
Итти за лекарствомъ въ пріемный покой
Не могъ,—отъ жары задыхался. (2 раза.)
На палубу вышелъ,—сознанья ужъ
нѣтъ.
Въ глазахъ его все помутилось,
Увидѣлъ на мигъ ослѣпительный
свѣтъ,
Упалъ... Сердце больше не билось...
(2 раза.)
Къ нему подбѣжали съ холодной водой,
Стараясь привесть его въ чувство,
Но докторъ сказалъ, покачавъ головой:
„Безсильно здѣсь наше искусство“...
(2 раза.)
Всю ночь въ лазаретѣ покойникъ
лежалъ,
Въ костюмѣ матроса одѣтый;

Въ рукахъ на груди крестъ изъ
воску лежалъ;
Воскъ таялъ, жарою согрѣтый.
(2 раза.)
Проститься съ товарищемъ утромъ при-
шли
Матросы, друзья кочегара.
Послѣдній подарокъ ему поднесли,
Колосникъ обгорѣлый и ржавый. (2 раза.)
Къ ногамъ привязали ему колосникъ,
Въ простыню его трупъ обернули;
Пришелъ пароходный священникъ-
старикъ,
И слезы у многихъ сверкнули.(2 раза.)
Былъ чистъ, неподвиженъ въ тотъ мигъ
океанъ,
Какъ зеркало воды блестѣли;
Явилось начальство, пришелъ капитанъ,
И „вѣчную память" пропѣли. (2 раза.)
Доску приподняли дрожащей рукой,
И въ саванѣ тѣло скользнуло,
Въ пучинѣ глубокой, безвѣстной
морской
Навѣки, плеснувъ, утонуло. (2 раза.)
Напрасно старушка ждетъ сына домой;
Ей скажутъ, она зарыдаетъ...
А волны бѣгутъ отъ винта за кормой,
И слѣдъ ихъ вдали пропадаетъ. (2 раза.)

Ухарь-купецъ.

Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ,
Ухарь-купецъ, удалой молодецъ.
Сталъ онъ на дворъ лошадей покор-
мить,
Вздумалъ деревню гульбой удивить.
Въ красной рубашкѣ кудрявъ и ру-
мянъ
Вышелъ на улицу веселъ и пьянъ;
Собралъ онъ дѣвокъ-красавицъ въ кру-
жокъ,
Выхватилъ съ звонкой казной кошелекъ.
Потчуетъ старыхъ и малыхъ виномъ:
„Пей - пропивай! Проживемъ — нажи-
вемъ...“
Морщатся дѣвки, до донышка пьютъ
Шутятъ и пляшутъ и пѣсни поютъ.
Ухарь-купецъ подпѣваетъ, свиститъ,
Оземь ногой молодецки стучитъ.
Синее небо и сумракъ и тишь,
Смотрится въ воду зеленый камышъ,
Полосы свѣта по рѣчкѣ лежатъ,
Въ золотѣ тучки надъ лѣсомъ горятъ.
Дѣвичья пляска при зорькѣ видна,
Дѣвичья пѣсня за рѣчкой слышна,
По лугу льется, по чащѣ лѣсной...

Тамъ услыхалъ ее сторожъ сѣдой
Бѣлый какъ лунь, онъ подъ дубомъ стоитъ,
Дубъ не шелохнется, сторожъ молчитъ.
Къ дѣвкѣ стыдливой купецъ пристаетъ,
Обнялъ, цѣлуетъ и руки ей жметъ.
Рвется красотка за дѣвичій кругъ;
Совѣстно ей отъ родныхъ и подругъ.
Смотрятъ подруги,—ихъ зависть беретъ:
Вотъ, молъ, упрямицѣ счастье идетъ
Дѣвкинъ отецъ свое дѣло смекнулъ,
Локтемъ жену торопливо толкнулъ,—
Сѣдъ онъ, и рваная шапка на немъ,—
Глазомъ мигнулъ—и пропалъ за угломъ.
Дѣвкина мать расторопна, смѣла,
Съ вкрадчивой рѣчью къ купцу подошла:
„Полно, касатикъ, отстань, не балуй!
Дѣвки моей не позорь—не цѣлуй!“
Ухарь-купецъ позвенѣлъ серебромъ:
—„Нѣтъ, такъ не надо... другую найдемъ!..
Вырвалась дѣвка, хотѣла бѣжать,
Мать ей велѣла на мѣстѣ стоять...
Звѣздная ночь и ясна и тепла;
Дѣвичья пѣсня давно замерла;
Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
Вѣтромъ шатаетъ камышъ молодой;
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ,
Темную зелень огнемъ обдаетъ.

Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ:
Спитъ на печи подгулявшій старикъ,—
Спитъ въ зипунишкѣ и старыхъ лаптяхъ;
Рваная шапка комкомъ въ головахъ.
Молится Богу старуха-жена.
Плакать бы надо,—не плачетъ она.
Дочь ихъ—красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила...
Что жъ тутъ за диво! и замужъ пойдетъ...
То-то, чай, дѣтокъ на умъ наведетъ!...

И. С. Никитинъ.

Скажи намъ, товарищъ, за что ты попалъ въ рудники.

(Новая народная пѣсня).

—Скажи намъ, товарищъ нашъ вѣрный,
За что ты попалъ въ рудники? Для чего?
—Скажу я вамъ, братцы, всю правду,
Всю правду,—не скрою отъ васъ ничего.
Я шайки былъ грознымъ тогда атаманомъ,
Имѣлъ шестьдесятъ я лихихъ молодцовъ,
Любилъ нападать на проѣзжихъ
И грабить и брать грабежомъ возниковъ.

Когда перерѣжемъ мы всѣхъ возниковъ,
Купцовъ же съ собою мы въ лагерь
возьмемъ;
Развѣсимъ ихъ тамъ на деревья
И шкуру ремнями мы ихнюю сдеремъ!
Коль захочется намъ по дѣвочкѣ,—
Село иль деревню сейчасъ же зажжемъ,
Крестьянскія избы до чиста ограбимъ,
Дѣвчонокъ, молодокъ съ собой забе-
ремъ.
Любилъ я ходить по лѣсу въ одиночку
Съ товарищемъ вѣрнымъ своимъ я, но-
жомъ,
Любилъ нападать я тамъ на проѣзжихъ
И грабить болотныхъ богатыхъ купцовъ.
Никакъ не забыть мнѣ той ночи по-
слѣдней...
Была ночь темна, и я изъ лѣсу вы-
шелъ съ дубиной;
На небѣ свѣтила красиво и свѣтло луна.
Чу! два путника идутъ,—и я вышелъ,
дѣтина.
Забилось отъ радости ретивое сердце мое:
Одинъ монахъ пожилой, другой стран-
никъ былъ.
Идутъ и бесѣду ведутъ между собой.
Я вышелъ изъ-за куста и разомъ обо-
ихъ убилъ.

Обшаривъ въ карманахъ, четыре ко-
пейки нашелъ.
За эти четыре копѣйки въ рудники
пришелъ.
Въ одномъ изъ убитыхъ отца я род-
ного узналъ
И палъ передъ нимъ на колѣни,
надъ трупомъ рыдалъ.
Какой-то поутру крестьянинъ тамъ шелъ;
Невзначай на убитыхъ тогда онъ напалъ;
Поймали, и я во всемъ преступленьи
сознался,
И годъ до суда я въ тюрьмѣ прострадалъ.

Мечта узника.

Звѣзда, прости: пора мнѣ спать,
Но жаль разстаться мнѣ съ тобой;
Съ тобою я привыкъ мечтать, —
Вѣдь я живу одной мечтой.
А ты, прелестная звѣзда,
Порою ярко такъ сіяешь
И сердцу бѣдному тогда
О лучшихъ дняхъ напоминаешь.
Туда, гдѣ я, ко свѣтишь ты,
Стремятся всѣ мои желанья,
Тамъ сбудутся мои мечты.
Звѣзда, прости и до свиданья!

Пѣсня рекрута.

Послѣдній нынѣшній денёчекъ
Гуляю съ вами я, друзья.
А завтра рано, чуть свѣточекъ,
Заплачетъ вся моя семья.
Заплачетъ мать и мои сестры,
Заплачетъ братъ и мой отецъ.
Итти въ солдаты выпалъ жребій,
И вольнымъ днямъ пришелъ конецъ.
Еще заплачетъ дорогая,
Съ которой три года гулялъ.
Вести къ вѣнцу ее сбирался,
Любить до гроба обѣщалъ.
Телѣга быстро подкатила
Около дома моего;
Въ телѣгѣ старшіе кричали:
„Готовьте сына своего".
Крестьянскій сынъ давно готовый, —
Семья вся замертво лежитъ,
Помчусь теперь я къ жизни новой,
Царю, отечеству служить.

„Варягъ".

Наверхъ вы, товарищи, всѣ по мѣстамъ, —
Послѣдній парадъ наступаетъ!
Врагу не сдается нашъ гордый „Варягъ" —
Пощады никто не желаетъ.

Всѣ вымпелы вьются и цѣпи гремятъ,
Наверхъ якоря подымаютъ,—
Готовьтеся къ бою! Орудій ряды
На солнцѣ зловѣще сверкаютъ.

И съ пристани вѣрной мы въ битву пойдемъ
Навстрѣчу грядущей намъ смерти,
За родину въ морѣ открытомъ умремъ,
Гдѣ ждутъ желтолицые черти.

Свиститъ и гремитъ и грохочетъ кругомъ;
Громъ пушекъ, шипѣнье снарядовъ,
И сталъ нашъ безстрашный и гордый „Варягъ"
Подобенъ кромѣшному аду.

Въ предсмертныхъ мученьяхъ трепещутъ тѣла,
Громъ пушекъ и дымъ и стенанья,
И судно охвачено моремъ огня,—
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! Съ Богомъ, ура!
Кипящее море подъ нами!
Не думали мы еще съ вами вчера,
Что нынче умремъ подъ волнами.

Не скажетъ ни камень ни крестъ, гдѣ легли
Во славу мы русскаго флага.

Лишь волны морскія прославятъ вовѣкъ
Геройскую гибель „Варяга".

Умеръ бѣдняга.

(Народная пѣсня).

Умеръ бѣдняга въ больницѣ военной,
Долго, родимый, лежалъ;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкій недугъ доконалъ...
Рано его отъ семьи оторвали:
Горько заплакала мать,—
Всю глубину материнской печали
Трудно перомъ описать!
Съ невыразимой тоскою во взорѣ
Мужа жена обняла:
Полную чашу великаго горя
Рано она испила.
И протянулъ къ нему съ плачемъ ру-
чонки
Мальчикъ, малютка грудной...
Изъ виду скрылись родныя избенки,
Край онъ покинулъ родной.
Въ гвардію былъ онъ назначенъ, въ
пѣхоту,
Въ полкъ нашъ, по долгомъ пути;
Сдали его въ государеву роту
Царскую службу нести.

Съ виду пригожій онъ былъ новобранецъ;
Стройный и рослый такой,
Кровь съ молокомъ, во всю щеку румянецъ
Бойкій, смышленый, живой;
Съ еле замѣтнымъ пушкомъ надъ губами,
Съ честнымъ открытымъ лицомъ,
Волосомъ русъ, съ голубыми глазами,—
Ну, молодецъ-молодцомъ!
Былъ у ефрейтора онъ на порукѣ,
Къ участи новой привыкъ,
Приноровился къ военной наукѣ,—
Смѣтливый былъ ученикъ.
Старымъ его ужъ считали солдатомъ,
Сталъ онъ любимцемъ полка;
Въ этомъ измайловцѣ щеголеватомъ
Кто бы узналъ мужика!
Онъ безупречно во всякомъ нарядѣ
Службу свою отбывалъ,
А по стрѣльбѣ скоро въ первомъ разрядѣ
Ротный его записалъ.
Мы бы въ учебной командѣ зимою
Стали его обучать,
И, подготовленный, онъ бы весною
Въ роту вернулся опять:

Славнымъ со временемъ былъ бы онъ
взводнымъ...
Но не сбылися мечты!
Кончились лагери. Вѣтромъ холоднымъ
Желтые сдуло листы,
Сѣрый спустился туманъ на столицу,
Льются дожди безъ конца.
Въ осень ненастную сдали въ больницу
Нашего мы молодца.
Гаялъ онъ, словно свѣча, понемногу,
Въ нашемъ суровомъ краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдалъ онъ душу свою.
Цынгу, всѣ болѣзни, и холодъ, и голодъ
Русскій солдатъ испыталъ,
Все жъ подъ конецъ, передъ самою
смертью,
Онъ Портъ-Артуръ вспоминалъ:
„Крѣпость-то, крѣпость была неприступная,
Но все же пришлось намъ отдать,
Долго въ засадѣ сидѣли голодными,
Нечѣмъ намъ было стрѣлять“...
Умеръ вдали отъ родного селенья,
Умеръ въ разлукѣ съ семьей,
Безъ материнскаго благословенья
Этотъ солдатъ молодой.

Ласковой, нѣжной рукою закрыты
 Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
 Не пролилася слеза!
Полкъ о кончинѣ его извѣстили, —
 Хлопоты съ мертвымъ покончили;
Въ старый одѣли мундиръ, положили
 Въ гробъ и въ часовню снесли.
Къ выносу тѣла, къ военной больницѣ
 Взводъ былъ отъ насъ наряженъ...
По небу тучи неслись вереницей
 Въ утро его похоронъ.
Выла и плакала снѣжная вьюга,
 Съ жалобнымъ воплемъ такимъ
Плача объ участи нашего друга,
 Словно рыдая надъ нимъ!
Вынесли гробъ, привязали на дроги,
 И по худой мостовой
Старая кляча знакомой дорогой
 Ихъ потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
 Чтобъ до угла хоть дойти:
Взводу до перваго лишь поворота
 Надо за гробомъ итти
Дрогамъ вослѣдъ мы глядѣли-глядѣли
 Долго съ печалью нѣмой...
Перекрестилися, шапки надѣли
 И воротилися домой.

Люди чужіе солдата зароютъ
    Въ мерзлой землѣ глубоко,
Тамъ, за заставой, гдѣ вѣтры лишь воютъ,
    Гдѣ-то въ глуши, далеко.
Спи же, товарищъ, ты нашъ одиноко,
    Спи же, покойся себѣ
Въ этой могилѣ сырой и глубокой,
    Вѣчная память тебѣ!

К. Р.

Шумѣлъ-горѣлъ пожаръ московскій.

Шумѣлъ-горѣлъ пожаръ московскій,
Дымъ растилался по рѣкѣ.
А на стѣнахъ, вдали, кремлевскихъ
Стоялъ онъ въ сѣромъ сюртукѣ.
  И призадумался великій
Скрестивши руки на груди,—
Онъ видѣлъ огненное море,
Онъ видѣлъ гибель впереди.
  И, притаивъ свои мечтанья,
Свой взоръ на пламя устремилъ,
И тихимъ голосомъ сознанья
Онъ самъ съ собою говорилъ.
  „Зачѣмъ я шелъ къ тебѣ, Россія,
Европу всю держа въ рукахъ,—

Теперь съ поникшей головою
Стою на крѣпостныхъ стѣнахъ.
Войска всѣ, созванныя мною,
Погибнуть здѣсь среди снѣговъ,
Въ поляхъ истлѣютъ наши кости,
Безъ погребенія... гробовъ"...
Судьба играетъ человѣкомъ,
Она измѣнчива всегда:
То вознесетъ его высоко,
То броситъ въ бездну безъ стыда.

Воздушный корабль.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ,
Но скалы и тайныя мели
И бури ему нипочемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ.

На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника сына
И старую гвардію онъ.
И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,

Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ перамидъ.
И маршалы зова не слышатъ
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,—
И снова ихъ громко зоветъ.
Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ,
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ:—
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь.

Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

М. Лермонтовъ.

Памяти Макарова.

(Музыка Кюи).

Спи, сѣверный витязь, спи, честный боецъ,
Безвременно взятый кончиной!
Не лавры побѣды—терновый вѣнецъ
Ты принялъ съ безстрашной дружиной.
Твой гробъ—броненосецъ; могила твоя—
Холодная глубь океана,
И вѣрныхъ матросовъ родная семья—
Твоя вѣковая охрана;
Дѣлившіе лавры, отнынѣ съ тобой
Они раздѣляютъ и вѣчный покой.
Ревнивое море не выдастъ землѣ
Любившаго море героя,
Въ глубокой могилѣ, въ таинственной
мглѣ,
Лелѣя его и покоя.
И вѣтеръ споетъ панихиду надъ нимъ,
Заплачутъ дождемъ ураганы,
И саванъ растелютъ покровомъ густымъ
Надъ моремъ ночные туманы,
И тучи, нахмурясь, послѣдній салютъ
Громовъ грохотаньемъ ему отдадутъ.

Зашумѣла, разгулялась.

Зашумѣла, разгулялась
Въ полѣ непогода;
Принакрылась бѣлымъ снѣгомъ
Гладкая дорога.
Бѣлымъ снѣгомъ принакрылась,
Не осталось слѣду,
Поднялася пыль и вьюга,
Не видать и свѣту.
Да удалому дѣтинѣ
Буря не забота:
Онъ проложитъ путь-дорогу,
Лишь была бъ охота.
Не страшна глухая полночь,
Дальній путь и вьюга,
Если молодца въ свой теремъ
Ждетъ краса-подруга.
Ужъ какъ встрѣтитъ она гостя
Утренней зарею,
Обойметъ его стыдливо
Бѣлою рукою.
Опустивши ясны очи,
Друга приголубитъ...
Вспыхнетъ онъ—и холодъ ночи
И весь свѣтъ забудетъ.

И. С. Никитинъ.

Не осенній мелкій дождичекъ.

Не осенній мелкій дождичекъ
Брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ,—
Слезы горькія льетъ молодецъ
На свой бархатный кафтанъ.
Полно, братъ, молодецъ,
Ты вѣдь не дѣвица:
Пей—тоска пройдетъ.
Но тоска, друзья-товарищи,
Въ грудь запала глубоко:
Дни веселія, дни радостей
Отлетѣли далеко.
Полно, братъ, молодецъ,
Ты вѣдь не дѣвица:
Пей—тоска пройдетъ,
Пей, пей, тоска пройдетъ.

Подъ вечеръ осенью ненастной.

Подъ вечеръ осенью ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо; лѣсъ и горы—
Все спало въ сумракѣ ночномъ,
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ

И на невинномъ семъ твореньи,
Вздохнувъ, остановила ихъ:
„Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моихъ.
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты не прильнешь къ груди моей,
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей.
Ее манить напрасно будешь,
Мнѣ вѣчный стыдъ, вина моя,
Меня навѣки ты забудешь,
Но не забуду я тебя.
Дадутъ пріютъ тебѣ чужіе
И скажутъ: ты для насъ чужой.
Ты спросишь: гдѣ жъ мои родные?
И не найдешь семьи родной.
Несчастный будешь съ грустной думой
Томиться межъ чужихъ дѣтей
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!
Ты спишь... позволь тебя, несчастный,
Прижать къ груди послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный
Къ страданью осуждаетъ насъ.

Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый,—горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!"
Но вдругъ за рощей освѣтила
Вблизи ей хижину луна;
Блѣдна, трепещуща, уныла
Къ дверямъ приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой;
Со страхомъ очи отвратила
И скрылась въ темнотѣ ночной.

А. Пушкинъ.

Прощайте, ласковые взоры.

Прощайте, ласковые взоры,
Прощай, мой милый, дорогой,—
Раздѣлятъ насъ долины, горы,
Врозь будемъ жить теперь съ тобой.
Одна я буду въ чистомъ полѣ,
Когда пробьетъ разлуки часъ;
Прольются слезы поневолѣ,
Улыбка скроется изъ глазъ.
Когда ты будешь на работѣ,
Тогда ты вспомнишь про меня,—
Я въ эту горькую минуту
Молиться буду за тебя.

Услышитъ Богъ мое моленье,
И мы увидимся опять;
Опять пойдемъ мы въ воскресенье
Съ тобой въ зеленый садъ гулять
Въ зеленомъ садикѣ прекрасномъ,
Какъ на возвышенномъ холмѣ,
Гдѣ на горѣ счастливый, ясный
Склонялся ты на грудь ко мнѣ,
Отдамъ кольцо тебѣ я въ руки,
Скажу: прощай, любезный мой!
Ты сохрани его въ разлукѣ
И принеси его домой

Чудный мѣсяцъ.

„Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою
Все въ объятьяхъ ночной тишины;
Я сижу и любуюсь тобою
Здѣсь съ тобой, дорогая моя“.
—„Ничего мнѣ на свѣтѣ не надо,
Только видѣть тебя, милый мой,—
Только видѣть тебя безконечно,
Любоваться твоей красотой.
Но, увы!—коротки наши встрѣчи,
Ты спѣшишь на свиданье къ другой...
Такъ иди, пусть одна я страдаю,
Пусть напрасно волнуется кровь.

Предъ иконою я встану съ мольбою
И всю жизнь замолю за тебя,
Чтобы Боже послалъ тебѣ счастья,
Чтобы горя тебѣ не знавать.
А я буду всегда безъ участья
По гробъ жизни любить и страдать.
Для кого я жила и страдала,
И кому я всю жизнь отдала?
Какъ цвѣтокъ ароматный весною,
Для тебя одного расцвѣла;
Ты поклялся любить меня вѣчно,
Какъ голубку, лаская меня;
А потомъ, посмѣявшись безпечно,
Ты навѣкъ мою жизнь погубилъ.
Я просила тебя, умоляла:
Приди, милый, проститься со мной!
А ты, подлый, другую ласкаешь
И смѣешься, тиранъ, надо мной.
Намъ теперь ужъ съ тобой не сойтися,—
Вѣрно, такъ суждено ужъ судьбой.
И могила моя одинока,—
Не придешь, не поклонишься ей...
Только яркое солнце высоко
Надъ крестомъ моимъ бѣднымъ взойдетъ
Бѣлый камень лежитъ одиноко,
Точно сторожъ могилы моей.
Отчего не проснешься ты снова
Для цвѣтовъ ароматныхъ полей?

Пѣсня о качеляхъ.

(Изъ опер. «Веселая вдова»).

Ахъ, въ дни чарующей весны
Восторга души всѣ полны,
Невольно все ласкаетъ взглядъ:
И птичекъ рой и пчелокъ рядъ...
Подъ сѣнью липы вѣковой
Не истомитъ насъ солнца зной...
Качаясь мѣрно взадъ, впередъ,
Забвенье каждый здѣсь найдетъ!
Тихо и плавно качаясь,
Горе забудешь вполнѣ.
Отдыхомъ всласть наслаждаясь,
Гимнъ мы поемъ веснѣ...
Слышится голосъ свирѣли,
Слышенъ таинственный звонъ...
Мѣрно качайтесь, качели,
Сладкій навѣйте всѣмъ сонъ.
Лишь только настаетъ весна,
Все пробуждается отъ сна,
Все къ жизни новой насъ зоветъ...
Весна идетъ, весна идетъ!..
Клокочетъ бурной страстью кровь,
Царитъ во всѣхъ сердцахъ любовь...
Кругомъ все душу веселитъ,
Къ качелямъ каждый тутъ спѣшитъ!

Тихо и плавно качаясь,
Горе забудешь вполнѣ.
Отдыхомъ всласть наслаждаясь,
Гимнъ мы поемъ веснѣ...
Слышится голосъ свирѣли,
Слышенъ таинственный звонъ...
Мѣрно качайтесь, качели,
И сладкій навѣйте всѣмъ сонъ.

А въ старомъ паркѣ вечеркомъ,
Всѣ пары шепчутся тайкомъ,
Вздыхаютъ нѣжно тамъ и тутъ
И первый поцѣлуй сорвутъ!..
Клянется онъ, молчитъ она,
Но тутъ волшебница-весна
Все дѣло мигомъ смастеритъ
И ихъ сердца соединитъ!..

Тихо и плавно качаясь
Горе забудешь вполнѣ.
Отдыхомъ всласть наслаждаясь,
Гимнъ мы поемъ веснѣ...
Слышится голосъ свирѣли,
Слышенъ таинственный звонъ...
Мѣрно качайтесь, качели,
И сладкій навѣйте всѣмъ сонъ!..

И. Л. Пальмскій.

* *
*

Счастья дни, какъ скоро вы,
Скоро вы
Скрылись и пропали!
Былъ мой другъ бы вѣренъ мнѣ,
Вѣренъ мнѣ,
Не знала бъ печали!
По полянамъ, вкругъ меня,
Вкругъ меня
Жницы распѣваютъ...
У меня лишь у одной,
У одной
Слезы набѣгаютъ.
И брожу я, словно тѣнь
Словно тѣнь,
Все подъ тѣмъ холмочкомъ
Гдѣ меня онъ столько разъ
Столько разъ
Звалъ своимъ дружочкомъ'
Тамъ стою я, наклонясь,
Наклонясь
Къ рѣчкѣ тихоструйной...
Косы, что онъ такъ ласкалъ,
Такъ ласкалъ,—
Треплетъ вѣтеръ буйный...

(Вновь найденное стихотвореніе
И. С. Тургенева).

Пробужденіе.

Мечты, мечты
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокій
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловитъ сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь
Внемли моленья,
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И поутру
Вновь упоенный,

Пускай умру
Не пробужденный.

Курочкинъ.

По-надъ домомъ садъ цвѣтетъ,
Во—саду дорожка:
На нее бъ я все глядѣлъ,
Сидя, изъ окошка...
Тамъ съ кувшиномъ за водой
Маша проходила,
Томный взоръ потупивъ свой,
Со мной говорила.
„Маша, Маша,—молвилъ я,—
Будь моей сестрою!
Я люблю... Любимъ ли я,
Милая тобою?"
Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла,
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла;
Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала,
Изъ кувшина, въ забытьи,
Воду проливала...
Сплю и вижу все ея
Платье голубое,

Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой обвитое.
Сладкій мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ, нигдѣ ужъ никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь!..

Кольцовъ.

* * *

Ахъ, спасибо же тебѣ,
Синему кувшину:
Разгулялъ вѣдь ты мою
Горькую кручину!
Знаться мнѣ бъ давно съ кувшиномъ,—
Горе бъ по вѣтру неслось,
Ретивого бъ не сушило,
Въ русы кудри не ввилось.
Не ходить бы, не бродить
По бѣлому свѣту,
Не искать бы, не слѣдить
Ласкова привѣту.
Сидя около кувшина,
Я не вѣдалъ бы, не зналъ,
Что кругомъ я—сиротина,
Будто съ облака упалъ!
Не сушить бы мнѣ очей
Горючей слезою,

PAGE(S) MISSING

PAGE(S) MISSING

Крылья пташечки
Улетѣлъ бы я
За сине море!
Поискалъ бы я
Свою молодость,
Полюбилъ бы я
Красну-дѣвицу!..
Нѣтъ воли мнѣ,—
Я не вымолю;
Нѣтъ крыльевъ мнѣ,—
Я не выпрошу!..
И взгрустнулося
Опять молодцу,
И заплакало
Сердце бѣдное...

*
* *

Скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ смотришь
Такими большими глазами?
Скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ плачешь,
И грудь надрываешь слезами?

Ты можешь рыдать, сколько хочешь,
И слезъ вѣдь надолго достанетъ,—
Любовь—преходящее чувство,
Потѣшитъ, помучитъ, обманетъ.

Зачѣмъ утѣшаться мечтою,
Не лучше ль разсудку повѣрить,

И то, что такъ бѣдно и мало,
Огромною мѣрой не мѣрить.

Теперь мы другъ друга такъ любимъ
И счастливы очень,—такъ что же?
Мнѣ каждый твой взглядъ, каждый волосъ
Всѣхъ благъ, всѣхъ сокровищъ дороже.

Дороже! Но, можетъ быть, завтра
На новую грудь припаду я,
И въ томъ же и такъ же покаюсь
Подъ праздничный звукъ поцѣлуя.

К. Случевскій.

* *
*

Ея ужъ нѣтъ, а я страдаю,
И сердце все болитъ о ней...
Ея ужъ нѣтъ... Я это знаю,
И слезы льются изъ очей.
Ея ужъ нѣтъ! Къ чему жъ страданья?
Къ чему тоска? Къ чему любовь?
Къ чему, безплодныя желанья,
Меня вы посѣтили вновь?
Ея ужъ нѣтъ! Она простилась!
Она оставила нашъ свѣтъ,
Звѣздой падучей закатилась...
Ея ужъ нѣтъ, ея ужъ нѣтъ!

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Спи, покойся, за тобою
Я безъ устали смотрю.
Самъ Господь съ высотъ небесныхъ
Въ колыбель глядитъ твою.
Спи, мой ангелъ, спи, прелестный,
Баюшки-баю!
Спи, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю!
Спи, пока не добываешь
Хлѣбъ насущный на семью;
Спи, пока тебя ласкаю,
Усыпляю и пою,
Колыбель твою качаю,
Баюшки-баю!

Разлука.

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.
Что предъ ней ты, утро майское,
Ты дуброва-мать зеленая,

Степь-трава—парча шелковая,
Заря—вечеръ, ночь-волшебница!
Хороши вы, когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней—васъ хоть бы не было;
Съ ней зима—весна, ночь—ясный день!
Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ
Я сказалъ ей: „Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ—разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся"...
Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося,—
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.
„Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола"...
Занялся духъ—слово замерло...

Кольцовъ.

***

Ненаглядный ты мой,
Какъ люблю я тебя!
Взоръ плѣнительный твой
Сожигаетъ меня.

Говорить ли начнешь,—
Сердце рвется къ тебѣ;

Про любовь ли поешь,—
Плакать хочется мнѣ!
Ненаглядный ты мой... и проч.

Какъ люблю я ласкать
Кольца черныхъ кудрей,
Грудь твою прижимать
Къ груди жаркой моей!
Ненаглядный ты мой... и проч.

Я слилась бы съ тобой
Въ поцѣлуѣ одномъ,
Завладѣла бъ душой,
Ненаглядный ты мой... и проч.

* * *

Если бъ, сердце, ты лежало
На рукахъ моихъ,
Все качала бы, качала
Я тебя на нихъ,
Будто мать дитя родное,
Съ тихою мольбой,
И заснуло бъ, ретивое,
Ты тогда со мной.
А теперь въ груди сокрыто,
Заперто въ тюрьму,
Ты доступно, ты открыто
Одному ему!
Но не видитъ онъ печали...

Какъ же съ этимъ быть?
Позабыть его?.. Едва ли
Можно позабыть!
Мчатся годы, грусть все та же,
Тѣ же все мечты;
Сердце, сердце, да когда же
Здѣсь умолкнешь ты?

* *
*

Вѣкъ юный, прелестный,
Друзья, пролетитъ,—
Намъ все въ поднебесной
Измѣной грозитъ.
Летитъ стрѣлой
Нашъ вѣкъ младой,—
Какъ сладкій сонъ,
Минуетъ онъ.
Лови, лови часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови.
Затмится тоскою
Нашъ младости пиръ,
Обманетъ мечтою
Украшенный міръ.
Блѣднѣетъ свѣтъ,
Что день, то нѣтъ
Одной-другой
Мечты живой!

Лови, лови часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови.

Какъ рай ароматный,
Веселье весны,
Какъ гость благодатный
Съ родной стороны,
Такъ юность дней...
Друзья, скорѣй,
Во здравье ей,
Съ восторгомъ пей!

Лови, лови часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови!

*

Между небомъ и землей
Пѣсня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.
Не видать пѣвца полей,
Гдѣ поетъ такъ громко
Надъ подруженькой своей
Жаворонокъ звонко.
Вѣтеръ пѣсенку поетъ,
А кому—не знаетъ.
Та, кому она, пойметъ,
Отъ кого—узнаетъ.

Пойся, пѣсенка моя,
Пѣснь надежды сладкой!
Вспомнитъ милая, гдѣ я,
И вздохнетъ украдкой.

Однажды съ красоткой своею

Однажды съ красоткой своею
Мы мчались на тройкѣ лихой:
Она мнѣ шубейку открыла,
И щечки пылали огнемъ.
Тутъ тройка лихая неслася,
Снѣгъ пылью кидалъ мнѣ въ лицо;
Красотка любовника грѣла,
Сердца ихъ слилися въ одно.
А времячко то миновало,
Не грѣетъ лучъ солнца любви,
Лишь въ полночь глухую въ секретной
Нещадно гремятъ кандалы.
Съ разбитой душою и сердцемъ
Хожу я по мрачной тюрьмѣ,
А жгучія, горькія слезы
Текутъ мнѣ по впалой щекѣ.
А образъ любовницы прежней,
Какъ тѣнь, предо мною встаетъ
И манитъ рукою и взглядомъ,
Въ объятія прежнія ждетъ.

Не видѣть мнѣ твоихъ ясныхъ очей,
Не слышать мнѣ отрадныхъ рѣчей
И не ждать тебя въ прежнія объятья
Среди ясныхъ майскихъ ночей.
Увы, я растался съ тобою,
Въ удѣлъ мнѣ досталась судьба
И рокъ безконечныхъ страданій,
Конецъ—гробовая доска.

Блаженства мигъ.

(Вальсъ).

Ночью знойной полна томленья
Вся природа... Кругомъ все спитъ...
Жаждетъ сердце успокоенья,
Жаждетъ сердце, но кровь кипитъ!
Не встрѣчаю я состраданья
И не вижу ни въ комъ участья!..
Жизнь, о, дай мнѣ минуты счастья,
Мигъ блаженства въ часы свиданья!
Жизнь, о дай мнѣ минуты счастья,
Блаженства мигъ, лишь блаженства мигъ!
Было время... Оно умчалось!..
Я любила, онъ измѣнилъ...
Все, что въ жизни мнѣ улыбалось,
Всѣ надежды онъ вмигъ разбилъ!
Я узнала тоску, страданья,
И пытала скорбь и несчастье!
Жизнь, о, дай мнѣ минуты счастья,

Мигъ блаженства въ часы свиданья!
Жизнь, о, дай мнѣ минуты счастья,
Блаженства мигъ, лишь блаженства мигъ!
Жизни долгой и безотрадной
Мнѣ не надо... Ее даю
Я охотно за мигъ отрадный,
За былую всю жизнь мою.
За минуты очарованья,
За мгновенье лобзаній страсти.
Жизнь, о, дай мнѣ минуты счастья,
Мигъ блаженства въ часы свиданья!
Жизнь, о, дай мнѣ минуты счастья,
Блаженства мигъ, лишь блаженства мигъ.

Л. Фейгина (музыка Я. Пригожаго).

О пріиди, другъ, ко мнѣ.

(Цыганскій вальсъ-романсъ).

О, пріиди, другъ, ко мнѣ
Въ тихій садъ при лунѣ.
Жду тебя я,
И страдая,
Сердце бѣдное грустить...
О, приходи же ко мнѣ ты скорѣй,
Дай мнѣ взглянуть на блескъ черныхъ очей!
Страстью сгорая, тебя я молю.—
Жить безъ тебя не могу.

Вѣдь люблю я тебя,
Ты—вся жизнь для меня.
Твои глазки,
Полны ласки,
Ужъ съ ума свели меня.
О, приходи же ко мнѣ ты скорѣй,
Дай мнѣ взглянуть на блескъ черныхъ очей!
Страстью сгорая, тебя я молю —
Жить безъ тебя не могу.
Вотъ ужъ скрылась луна.
Гдѣ же ты, радость моя?
Знать, не любишь,
Только губишь
Сердце бѣдное мое.
О, приходи же ко мнѣ ты скорѣй,
Дай мнѣ взглянуть на блескъ черныхъ очей!
Страстью сгорая, тебя я молю,
Жить безъ тебя не могу.

Ж. Б

Осень.

Осень въ бѣленькомъ платочкѣ,
Мушки снѣжныя летятъ,
Вонъ тамъ дѣдушка со внучкомъ
Изъ окошечка глядятъ,

Вонъ тамъ дѣти на лужайкѣ
Общимъ смысломъ и трудомъ,
Не мечтая о потайкѣ,
Себѣ строятъ снѣжный домъ;
Вонъ тамъ съ ведрами дѣвица,—
За водой она спѣшитъ;
Съ ней другая молодица;
Снѣгомъ ихъ запорошитъ;
Вонъ тамъ старая старушка,
Видно, хочетъ ворожить,—
Обошла кругомъ избушки,
Чтобы годъ еще прожить;
Вонъ и дочка, образъ чистый
Съ алой краскою въ лицѣ,
Снѣгъ лучистый, серебристый
Подметаетъ на крыльцѣ.

Безъ ума, безъ разума.

Безъ ума, безъ разума
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укоротили.
Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ отъ солнышка
Красоту лелѣяли,
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ

Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась.
Говорятъ родимые:
Поживется—слюбится,
И по сердцу выберешь—
Да горчѣе придется.
Хорошо, состарившись,
Разсуждать, совѣтовать
И съ собою молодость
Безъ расчета сравнивать.

А. Кольцовъ.

Милый, я жду тебя!

Скоро ли полночь настанетъ,
Скоро ль дождусь я тебя?
Спятъ всѣ цвѣты, вся природа,
Въ тучи сокрылась луна...
Здѣсь насъ никто не увидитъ,
Здѣсь встрепенется душа...
Скоро ль тебя я увижу,
Милый, я жду тебя!
Жду тебя, не дождуся,
Трепетно сердце стучитъ.
Быстро умчалися тучи,
Мѣсяцъ лукаво глядитъ.
Милый, спѣши ты скорѣе,—
Въ тучи закрылась луна;

Здѣсь я тебя расцѣлую,—
Милый, я жду тебя.
Милый я ждать истомилась,—
Дай же сердцу покой!
Видишь, туманомъ покрылись
Лѣсъ и тростникъ подъ рѣкой.
Сказкой волшебнаго міра,
Другъ, убаюкай меня;
Сладко усну я въ объятьяхъ...
Милый, я жду тебя!

Бесѣдушка, бесѣда.

Ахъ, у нашего сосѣда
Какъ была вчера бесѣда
Распотѣшная!
Значитъ, пили, пили, пили,
Всѣмъ селомъ въ утробу лили,
Наслаждалися!
А когда перепилися,
Въ рукопашную сошлися,
Раскуражилися!
И незнамо, какъ такое,—
Мы попали въ „волостное".
Удивительно!
Но когда проснулись рано,
Прошлый день забыли спьяна,—
Умилительно!

Да взглянули другъ на дружку —
И припомнили пирушку —
Восхитительно!
Только смотримъ на Егора, —
Морда въ родѣ косогора,
Покривилася.
А взглянули на Кондрата, —
Вся-то харя ободрата,
Облупилася!
У рябого-то Ивана,
Почитай, губы нѣтъ спьяна, —
Потерялася!
У веселаго жъ сосѣда
Бороденки нѣтъ и слѣда,
Растрепалася!
И сосѣдъ нашъ поневолѣ
Ужъ бесѣдъ не любитъ болѣ,
Положительно и рѣшительно.

Питейное дѣло.

Голодайки села
Мужики до зѣла
Пили,
И, чтобъ водки не пить,
Кабаки позакрыть
Порѣшили.

Спозоранка народъ
Собирался на сходъ
Пьяно.

Говорили: кабакъ
Намъ не мало и такъ
Далъ изъяна!

Волостной старшина
Говорилъ: сатана,
Вѣрно,

Обуялъ кабакомъ,
И выходитъ потомъ
Дѣло скверно!

Поднимался тутъ споръ,
И писать приговоръ
Стали.

И кабатчиковъ всѣхъ,
Чтобъ не вышелъ бы грѣхъ,
Прогоняли.

И на радости тутъ,
Что, де, пьянству капутъ,
Пили.

А напившись, опять
Кабаки открывать
Порѣшили.

Ты послушай, голова.

— Ты послушай, голова!
Про тебя идетъ молва,
Будто поздно вечеркомъ
Ходишь ты къ сосѣдкѣ въ домъ?

„Ну, такъ что же, что хожу?
А почто—вамъ не скажу;
Знаю это только я
Да она, кума моя“.

— Эй, послушай, молодецъ!
Вѣдь гуторятъ, наконецъ,
Что не разъ видали васъ
И въ полночный даже часъ?

„Ну, такъ что же: я не трусъ,
Вѣдьмы съ лѣшимъ не боюсь....
И хожу къ кумѣ моей,
Чтобъ ей было веселѣй!“

— Отчего же, удалой,
Тебя утренней зарей
Кума съ краской на лицѣ
Обнимаетъ на крыльцѣ?

„Оттого, что я хорошъ,
На сожителя похожъ;
Онъ хоть живъ, да на войнѣ.—
Какъ же быть одной женѣ?“

Бабаюшка.

Повезъ Бабай кулечекъ
Ржаной муки продать,
Проходитъ ужъ денечекъ
Бабая не видать.
А дома то хозяюшка
Святыхъ сбираетъ всѣхъ:
Не запилъ бы Бабаюшка,
Не запилъ бы на грѣхъ!
„Вотъ выручу немножко“ —
Твердитъ себѣ Бабай, —
„А тамъ куплю сапожки;
Старуха, не пеняй“
А дома-то хозяюшка... и проч.
Продалъ Бабай кулечекъ,
Да какъ-то по пути
Онъ съ радости въ шиночекъ
Рѣшилъ на мигъ зайти...
А дома-то хозяюшка... и проч.
Бабая тутъ съ Захаркой
Нелегкая свела,
И къ вечеру за чаркой
Спустилъ онъ три рубля.
А дома-то хозяюшка... и проч.
Да тутъ же и напитки
И пѣсни чудаковъ,—

Зат овѣдь ужъ и литки
Не на пять пятаковъ.
А дома-то хозяюшка... и проч.
Сошелъ Бабай съ порога,
Не чувствуя и ногъ,
Шатается дорога,
Итти никакъ не могъ.
А дома-то хозяюшка... и проч.
Тутъ будочникъ учтиво
Сдержалъ его рукой,
Побрелъ Бабай лѣниво
Съ нимъ въ будку на покой
А дома-то хозяюшка... и проч.
На утро всталъ онъ, грѣшный,
Не взвидѣлъ Божій свѣтъ,
Да ну домой, сердечный...
А сапоговъ-то нѣтъ!
А дома-то хозяюшка... и проч.

Внимая ужасамъ войны.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ.
Но гдѣ-то есть душа одна—

Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы:
То слезы бѣдныхъ матерей:
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Н. Некрасовъ

Колечко.

Потеряла я колечко, потеряла я любовь,
А по этомъ по колечкѣ буду плакать день и ночь.
Гдѣ дѣвался тотъ цвѣточекъ, что долину украшалъ?
Гдѣ мой миленькій дружочекъ, что словами обольщалъ?
Обольстилъ милый словами, онъ увѣрилъ навсегда:
„Не плачь, дѣвица, слезами, — будешь вѣчно ты моя".
Милъ уѣхалъ и оставилъ мнѣ малютку на рукахъ;

Какъ взгляну я на малютку—такъ слезами и зальюсь:
„Чрезъ тебя, моя малютка, пойду въ морѣ утоплюсь.
А тебя, мой злой мучитель, я навѣки прокляну."
Долго русою косою трепетала по волнѣ,
Правой рученькой махала!—Прощай, миленькій, прощай..
Ни на что такъ не взирала, какъ на этотъ темный боръ...
Ни о комъ такъ не страдала, какъ о маленькомъ своемъ.

Пошли наши подружки.

Пошли наши подружки
Въ лѣсъ по ягоды гулять!
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
Въ лѣсъ по ягоды гулять!
По черную чернику,
По ягоду—землянику!
Вѣю, вѣю, вѣю, вью
По ягоду землянику!
Онѣ ягодъ не набрали,
Подруженьку потеряли!
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
Подруженьку потеряли!

Любимую подружку,
Катеринушку.
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
Катеринушку!
Ты ау, ау, подружка,
Катеринушка!
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
Катеринушка!
Не въ лѣсу ли заблудилась,
Не въ травѣ ли заплелась?
Вѣю, вѣю, вѣю, вью.
Не въ травѣ ли заплелась?
Кабы въ лѣсу заблудилась,
То лѣса бы преклонились.
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
То лѣса бы преклонились.
Если бы въ травкѣ заплелась,
Вся бы травушка завилась.
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
Вся бы травушка завилась.
Если бъ въ водѣ утопилась,
То вода бы возмутилась.
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
То вода бы возмутилась.
Пойду я по тропинкѣ,
Найду я двѣ елинки.
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
Найду я двѣ елинки.

Подъ елью кровать,
На кровати-то перина.
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
На кровати-то перина.
На перинѣ Катерина,
Передъ ней стоитъ дѣтина.
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
Передъ ней стоитъ дѣтина.
Передъ ней стоитъ дѣтина,
И онъ проситъ Катерину:
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
И онъ проситъ Катерину.
„Ахъ ты, душечка—Катюша,
Ты, сударушка моя!“
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
Ты, сударушка моя!
„Буде любишь, такъ скажи,
А не любишь—откажи!“
Вѣю, вѣю, вѣю, вью,
А не любишь—откажи.

Что такъ скучно.

Что такъ скучно,
Что такъ грустно,
День идетъ не въ день?
А бывало,

Распѣвалъ я
Шапку набекрень!
Гей, вы, ну-ли,
Что заснули?
Шевели, гляди!
Вороные,
Удалые
Гривачи мои! } Припѣвъ.

Съ пѣсней звонкой
Шелъ сторонкой
Къ любушкѣ своей
И украдкой,
И съ оглядкой
Цѣловался съ ней.
Припѣвъ.

Мать узнала,
Все пропало,—
Любу заперла...
И изъ дому
За Ерему
Замужъ отдала.
Припѣвъ.

Я другую
Молодую
Выберу жену,—
Въ чистомъ полѣ,

На просторѣ
Гибкую сосну!
Припѣвъ.
Время минетъ,
Кровь застынетъ,
И пройдетъ печаль;
Вороную
Удалую
Только тройку жаль!
Припѣвъ.

Бѣлолица-круглолица.

Бѣлолица-круглолица
Красная дѣвица
При долинушкѣ стояла,
Калину ломала.
При долинушкѣ стояла,
Калину ломала.
Я калинушку ломала,
Въ пучочки вязала.
Въ пучочки вязала,
Въ дорожку бросала,—
Въ дорожку бросала,
Съ собой разсуждала:
„У дѣвушекъ вечеринка
Всегда веселенька,
Я жъ всегда грущу, тоскую
Одна молоденька!“

Утѣшеніе.

Не тоскуй,
Не горюй,
  Душа-дѣвица!
Изъ очей
Слезъ не лей
  На грудь бѣлую!
Все пройдетъ,—
Другъ придетъ,
  Вновь съ любовію,
Обойметъ
И прижметъ
  Къ груди пламенной.
Не брани,
Не кори
  Добра молодца!
Не гнѣвись,
Помирись,
  Забудь прошлое.
Не отъ зла,—
Отъ любви
  Отклонился онъ;
Улыбнись
И взгляни
  Взоромъ ласковымъ,

Ему вновь
Протяни
Ручку нѣжную
И скажи
Отъ души:
„Другъ, я счастлива!“

Кольцовъ.

То не вѣтеръ вѣтку клонитъ.

То не вѣтеръ вѣтку клонитъ,
Не дубравушка шумитъ,—
То мое сердечко стонетъ,
Какъ осенній листъ дрожитъ.

Извела меня кручина,
Подколодная змѣя...
Догорай, моя лучина!..
Догорю съ тобою я!

Не житье мнѣ здѣсь безъ милой,—
Съ кѣмъ теперь пойду къ вѣнцу?
Знать, судилъ мнѣ рокъ съ могилой
Обвѣнчаться молодцу.

Разступись, земля сырая,
Дай ты молодцу покой,—
Пріюти его, родная,
Въ тихой кельѣ гробовой.

Не одна въ полѣ дороженька.

Не одна въ полѣ дороженька,
Въ полѣ пролегала,
Частымъ ельничкомъ, березничкомъ
Бѣлымъ зарастала.
Какъ нельзя-то мнѣ къ сударушкѣ,
Нельзя въ гости ѣхать,
Хоть задумалъ бы къ сударушкѣ
Къ своей въ гости ѣхать;
Хоть поѣду я къ сударушкѣ,—
Къ милой не доѣду;
Хоть доѣду я къ сударушкѣ,—
Всю ночь протоскую.
Я спрошу свою сударушку,
Спрошу про здоровье:
Ты здорова ль, сударушка,
Какъ живешь ты, можешь?

Грусть дѣвушки.

Отчего, скажи,
Мой любезный серпъ,
Почернѣлъ ты весь,
Что коса моя?
Иль обрызганъ ты
Въ скукѣ-горести
По миломъ дружкѣ
Слезой дѣвичьей?

Въ широкихъ степяхъ
Дона тихаго
Зелена трава
Давно скошена;
На селѣ косцы
Давно женятся;
Только нѣтъ его,
Ясна сокола!
Иль онъ бросилъ домъ,
Разлюбилъ меня
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ?..
Ахъ, не птица тамъ
Летитъ по небу,—
То печальный слухъ
Объ немъ носится...
Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь,
Нѣтъ, не къ радости
Плакать хочется.

А. Кольцовъ.

Лучина.

Ночь темна-темнешенька,
Въ домѣ тишина;
Я сижу младешенька
Съ вечера одна;

Словно мать желанная
По сынкѣ родномъ,
Плачетъ неустанная
Буря подъ окномъ;
До земли рябинушка
Гнется и шумитъ...
Лучина-лучинушка
Не ясно горитъ.
Затянула бъ звонкую
Пѣсенку живѣй,-
Благо пряжу тонкую
Прясть мнѣ веселѣй,—
Да боюся батюшку
Свекра разбудить,
И свекровь-то матушку
Этимъ огорчить.
Муженекъ-дѣтинушка
Беззаботно спитъ...
Лучина-лучинушка
Не ясно горитъ.
Хорошо дѣвицею
Было распѣвать,
Горько молодицею
Слезы проливать.
Отдали несчастную
Въ добрую семью,—
Загубили красную
Молодость мою.

Мнѣ лиха судьбинушка
Счастье не сулитъ...
Лучина-лучинушка
Не ясно горитъ.
Я ли не примѣрная
Во селѣ жена,—
Какъ собака вѣрная
Мужу предана?
Я ли не охотница
Жить съ людьми въ ладу?
Я ли не работница
Въ лѣтнюю страду?
Отъ работы спинушка
И теперь болитъ...
Лучина-лучинушка
Не ясно горитъ.
Милые родители,
Сваты и родня!
Лучше бы, мучители,
Извели меня:
Я тогда не стала бы
Сѣтовать на васъ...
Сладко ли вамъ жалобы
Слышать каждый разъ?
Ахъ, тоска-кручинушка
Сердце тяготитъ...
Лучина-лучинушка
Не ясно горитъ.

П. А. Пановъ.

Пѣсня Вани.

Какъ мать убили
У малаго птенца,
Остался птенчикъ
Голъ и холоденъ въ гнѣздѣ.
Соловушко узналъ —
И жаль ему бѣдняжки,
Ко птенчику летитъ
И крылышками грѣетъ,
И кормитъ, и лелѣетъ.
Какъ мать скончалась
У малаго сынка,
Сынокъ младенецъ
Круглымъ сталъ сиротой...
Какъ добрый человѣкъ
Почуялъ въ сердцѣ жалость —
Беретъ онъ сироту
Въ свою семью и любитъ,
И холитъ, и голубитъ.

Не жемчугъ дорогой на цвѣточкѣ блеститъ.

Не жемчугъ дорогой на цвѣточкѣ блеститъ,
А росинка, —
Не веселье въ глазахъ у дѣвицы горитъ,
А слезинка.

Пересаженъ цвѣтокъ изъ поляны родной
Въ злую стужу,—
Продана красота за мѣшокъ золотой
Злому мужу.
И цвѣточку въ глуши эта Божья роса
Полюбилась,—
И съ тоской и слезой на чужбинѣ краса
Подружилась.
Пригорюнясь, цвѣтокъ тяжело на листки
Опустился,—
Блескъ алмазныхъ очей у красотки съ тоски
Помрачился.
И цвѣточекъ больной только острой косы
Поджидаетъ,—
И румянецъ живой на щекахъ у красы
Увядаетъ.
Знать, погибнуть тебѣ, мой цвѣтокъ, по веснѣ
Въ чуждомъ полѣ,—
Не любить красотѣ на чужой сторонѣ
И въ неволѣ.

Ѳ. Кони.

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее.

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ меня, молодца!
Сердце замерло отъ холода,

Отъ измѣны моей суженой.
Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.
Я пошелъ къ людямъ за помощью,—
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери,—
Не встаютъ они на голосъ мой.
Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти...
Въ ночь глухую буря страшная
На могилѣ подняла меня...
Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ
Безъ дороги въ путь отправился—
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Каріе глазки	3
Сухая корочка	4
Окрасился мѣсяцъ багрянцемъ	5
Ахъ, ты, бѣдная, бѣдная швейка	6
Нищая	8
Бывало, въ дни веселые	10
У могилы матери	12
Прощай, мой сынъ	14
Тоска по родинѣ	16
Липа вѣковая	17
Могила	18
„Маруся отравилась“	19
Кочегаръ	21
Ухарь-купецъ	25
Скажи намъ, товарищъ, за что ты попалъ въ рудники?	27
Мечта узника	29
Пѣсня рекрута. (Послѣдній нынѣшній денечекъ)	30
„Варягъ“	—
Умеръ бѣдняга	32
Шумѣлъ-горѣлъ пожаръ московскій	36
Воздушный корабль	37
Памяти Макарова	40
Зашумѣла, разгулялась	41
Не осенній мелкій дождичекъ	42
Подъ вечеръ осенью ненастной	—
Прощайте, ласковые взоры	44
Чудный мѣсяцъ	45
Пѣсня о качеляхъ	47
Счастья дни, какъ скоро вы	49
Пробужденіе	50
По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ	51

Ma
M
12

Ахъ, спасибо-же тебѣ 52
Я пойду, пойду косить 53
Ай, вдоль по улицѣ добрый молодецъ идетъ . . . 55
Всѣ я глазки проглядѣла 57
Подъ окномъ въ тѣни мелькаетъ 58
Снѣжки бѣлые пушисты 59
Въ полночь темную 60
Скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ смотришь 61
Ея ужъ нѣтъ, а я страдаю 62
Спи, младенецъ мой прекрасный 63
Разлука . . . . —
Ненаглядный ты мой 64
Если бъ, сердце, ты лежало 65
Вѣкъ юный, прелестный 66
Между небомъ и землей 67
Однажды съ красоткой своею 68
Блаженства мигъ 69
О, пріиди, другъ, ко мнѣ 70
Осень 71
Безъ ума, безъ разума 72
Милый, я жду тебя! 73
Бесѣдушка, бесѣда 74
Питейное дѣло 75
Ты послушай, голова 77
Бабаюшка 78
Внимая ужасамъ войны 79
Колечко 80
Пошли наши подружки 81
Что такъ скучно 83
Бѣлолица-круглолица 85
Утѣшеніе 86
То не вѣтку вѣтеръ клонитъ 87
Не одна въ полѣ дороженька 88
Грусть дѣвушки . . . . —
Лучина 89
Пѣсня Вани 92
Не жемчугъ дорогой на цвѣточкѣ блеститъ . . . —
Жарко въ небѣ солнце лѣтнее 93

РУССКОЕ СЛОВО

без предварит. цензуры.

ВЪ ФОРМАТѢ и ПО ПРОГРАММѢ БОЛЬШИХЪ ГАЗЕТЪ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой:

на газету „Русское Слово" **6 р.** Допускается разсрочка.

Отдѣльная подписка на еженедѣльный иллюстрированный журналъ „ИСКРЫ" въ годъ **3** рубля.

вмѣстѣ съ журналомъ „Искры" **8 р.** Допускается разсрочка.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

Вокругъ Свѣта.

за **4** р. въ годъ.

24 книги

Роскошная премія.

Съ ... **6** р.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина: Екатеринбургъ, Покровскій проспектъ, домъ ...; Варшава, Краковское предмѣстье, д. № 1.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

Ахъ, спасибо-же тебѣ 52
Я пойду, пойду косить 53
Ай, вдоль по улицѣ добрый молодецъ идетъ . . . 55
Всѣ я глазки проглядѣла 57
Подъ окномъ въ тѣни мелькаетъ 58
Снѣжки бѣлые пушисты 59
Въ полночь темную 60
Скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ смотришь 61
Ея ужъ нѣтъ, а я страдаю 62
Спи, младенецъ мой прекрасный 63
Разлука. . . . . —
Ненаглядный ты мой 64
Если бъ, сердце, ты лежало 65
Вѣкъ юный, прелестный 66
Между небомъ и землей 67
Однажды съ красоткой своею 68
Блаженства мигъ 69
О, прійди, другъ, ко мнѣ 70
Осень 71
Безъ ума, безъ разума 72
Милый, я жду тебя! 73
Бесѣдушка, бесѣда 74
Питейное дѣло 75
Ты послушай, голова 77
Бабаюшка 78
Внимая ужасамъ войны 79
Колечко 80
Пошли наши подружки 81
Что такъ скучно 83
Бѣлолица-круглолица 85
Утѣшеніе. 86
То не вѣтку вѣтеръ клонитъ 87
Не одна въ полѣ дороженька 88
Грусть дѣвушки . . . . —
Лучина 89
Пѣсня Вани 92
Не жемчугъ дорогой на цвѣточкѣ блеститъ . . . . —
Жарко въ небѣ солнце лѣтнее 93

ИЗДАНІЯ Товарищества И. Д. СЫТИНА.

Большая ежедневная газета

РУССКОЕ СЛОВО

безъ предварит. цензуры.

ВЪ ФОРМАТѢ и ПО ПРОГРАММѢ БОЛЬШИХЪ ГАЗЕТЪ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой:

НА ГАЗЕТУ „РУССКОЕ СЛОВО"

6 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

ОТДѢЛЬНАЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСКРЫ"

ВЪ ГОДЪ 3 РУБЛЯ.

ВМѢСТѢ СЪ ЖУРНАЛОМЪ „ИСКРЫ"

8 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

Вокругъ Свѣта.

50 №№ и 24 книги

ЗА **4** Р. ВЪ ГОДЪ.

СЪ ПРЕМІЕЙ **5 р.** СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Роскошная премія.

Книжные магазины
Т-ва И. Д. Сытина:
Москва: *1) Никольская ул., д. Заиконоспасск. мон.; 2) Ильинскія в., д. Титова. 3) Никольская ул., домъ гр. Орлова-Давыдова;*
С.-Петербургъ, *Б. Садовая, д. № 25;*
Кіевъ, *Подолъ, Гостиный дворъ;*
Одесса, *Преображенская улица, д. № 52, Агліцкой;*
Харьковъ, *Университетская ул., д. № 41, Чичиныхъ;*

Книжные магазины
Т-ва И. Д. Сытина:
Екатеринбургъ, *Покровскій проспектъ, домъ Поповичевой;*
Варшава, *Краковское предмѣстье, д. № 1;*
Воронежъ, *Московская улица;*
Ростовъ н/Д., *Московская улица, домъ Ященко;*
Иркутскъ, *Большая улица, домъ Никитина;*
Нижегородская ярмарка, *на Шоссе.*

Календари
изданія
Т-ва И. Д. Сытина.
ВСЕОБЩІЙ РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ.
Съ преміей.
Ц. 20 к.
Безъ преміи.
Ц. 15 к. и 10 к.
Общеполезный календарь.
Цѣна 30 к.
Кіевскій календарь.
Ц. 20 к.
Карманный календарь.
Ц. 10 к. и 5 к.
Отрывной календарь.
Ц. большому форм.
Ц. малому форм.
Отрывной
Конторскій
календарь.
Цѣна 75 к.
Дамскій отрывной календарь.
разныхъ цѣнъ.
Ученическій отрывной календарь
разныхъ цѣнъ.

W381.5917S-K146

W117176

10-